

ВОЛАНД ИЗ НАШЕГО ГОРОДА

Ведущий актер Тверского театра драмы Тарас Кузьмин - о сцене, о кино, о жизни и о себе

ВИКТОР КУЛИКОВ

ВОТ уже года два, как Тверской областной академический театр драмы снова был переживает второе рождение. Почти каждый вечер здесь случается аншлаг, билетов в продаже нет ни самых дорогих, ни самых дешевых, а после спектаклей зал сотрясают оглушительные овации и наполняют пьянящие ароматы цветов.

Воодушевленно работают все актеры, однако мы, зрители, выделяем в первую очередь исполнителей главных ролей. К числу таких звезд принадлежит и наш сегодняшний собеседник Тарас Кузьмин, выпускник тверского курса актерского факультета Высшего театрального училища имени М.С. Щепкина при Государственном академическом Малом театре России.

Последние годы Тарас Николаевич много снимается в кино, работает в столице, но тверской публикой стал особенно любим за роль Воланда в спектакле «Мастер и Маргарита» по роману Михаила Булгакова.

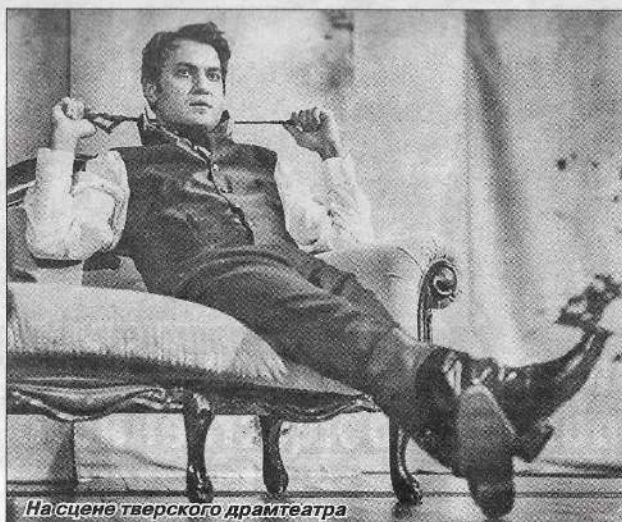
Воланд, как известно, это сатана, то есть, персонаж не очень хороший. В принципе. Да и без принципа тоже. Сатана он и есть сатана. От него все беды этого мира во все времена. Как такого можно играть?

С этого вопроса и начался наш разговор.

- Воланд - это вообще не зло, - утверждает Тарас Николаевич. - Его другое имя Люцифер, а если посмотреть этимологию этого слова, то получается «несущий свет». Вот и Воланд, как в романе, так и у нас, по сути, освещает пороки людей. Через провокации он восстанавливает справедливость.

А если смотреть более широко, то никакого немотивированного зла не существует вообще. У любого злодея обязательно есть какие-то мотивы, которые сделали его таким и вынуждают действовать соответствующим образом. Такого Воланда я и стараюсь создать. В противном случае получился бы плоский, неинтересный персонаж. Суть Воланда раскрывается в эпиграфе, который Булгаков предпослал своему гениальному роману. Помните «...так кто ж ты, наконец?... Я - часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». Но вот насколько хочет Воланд именно зла - это для меня вопрос. Я называю его «кулаки Бога». Он как бы создает гармонию и поддерживает ее...

- Хорошо, тогда давайте перейдем к вопросу банальному, но от которого никому не деться: как вы стали актером? Мечтали об этом с рождения? Или вы продолжаете актерскую династию, и ваш прадед еще в начале прошлого века играл в одном из театров, которых в то время в Твери было около двадцати?

На сцене тверского драмтеатра

Даже работники городских винных складов организовали свой театр.

- Нет, нет, нет! Никакой династии, никаких винных складов. Но поработать в таком театре, наверное, было бы интересно. Хотя и вредно для здоровья. Сочувствую его актерам... Что касается меня, то актером я стал совершенно случайно, поскольку всегда думал, что в эту профессию идут люди, которые с утра до ночи об этом мечтают и стремятся к этой цели. Плюс я думал: «Ну как это возможно, чтобы тебя показали в телевизоре? Наверное, для этого надо быть каким-то особенным». Правда, с детства я не стеснялся публично петь, даже собирал какие-то мини-концерты. Например, когда мы ездили с мамой в поездах по Краснодарскому краю, где у нас много родственников. Вот в этих поездах я и выступал.

- Бесплатно?

- К сожалению, да. Ездили мы в плацкарте, поэтому, бывало, люди собирались меня послушать со всего вагона. То есть, в принципе, можно было подзаработать.

- И что же вы исполняли?

- Самые разные произведения. Мой главный хит был «На теплоходе музыка играет». До сих пор слова помню.

- То есть, если что... Не пропадете?

- Не дожен.

- Но разве, собирая плакатные аншлаги, вы не мечтали выйти на большую сцену?

- Не мечтал. Понимаете, в принципе, я никогда не был артистичным, не пытался как-то обратить на себя внимание окружающих, стать как сейчас говорят, королем вечеринки и так далее. Наоборот, всегда стремился остаться в роли наблюдателя. Но когда просили спеть, пел, не стеснялся. Мне это нравилось.

- То есть, я правильно понял, что семья у вас не была артистичной?

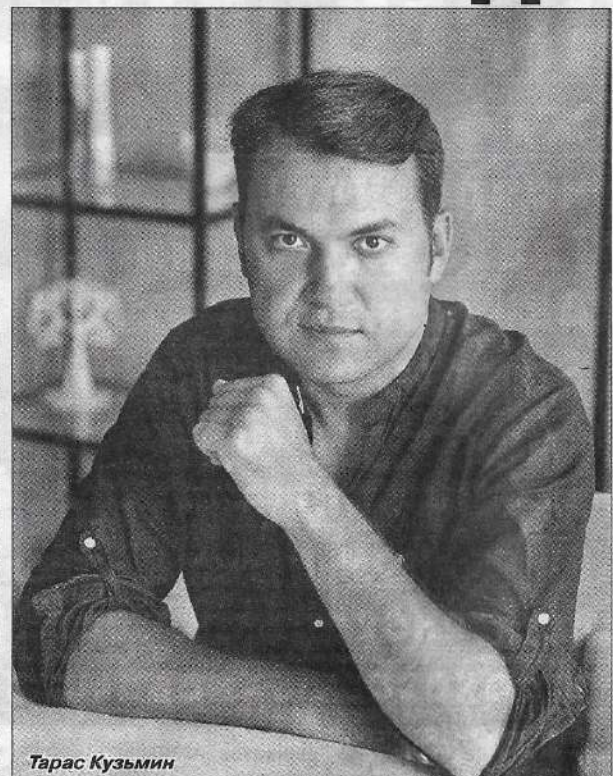
- Ну, почему же? Моя мама после школы поступала в театральный институт. За компанию с подругой. Мама поступила, а подруга нет, и тогда мама сказала: «Я без нее туда не пойду». И не пошла. Мама у меня гораздо более артистичная, чем я... Кстати, люди очень своеобразно относятся к артистам. Часто приходится на какие-то дни рождения, вечеринки, и когда собравшиеся узнают, что ты артист, то все почему-то считают, все ждут, что ты должен задать жару, вести стол, как-то всех развлекать, петь, танцевать и все такое. Хотя на самом деле артист, который себя реализует в профессии, он в остальное время находится в энергосберегающем режиме, копит материал, наблюдает, присматривается и так далее...

- И все-таки, как вы стали артистом? В чем заключалась та случайность, которая в итоге привела вас в театр?

- В школе, в десятом классе, я стал играть в КВН. Писал тексты, выходил на сцену в нескольких эпизодах. Кстати сказать, наша команда выступала очень успешно... А помимо КВН у нас была театральная студия, которую вела Лариса Марковна Кухарчук, преподаватель английского языка, большая поклонница Тверского академического театра драмы. Мислей связать свою жизнь с театром у меня тогда не было, но какую-то потребность и способность выходить к людям я уже почувствовал, поэтому в кружок и пришел.

- Чувствовали внутреннюю какую-то способность выйти к людям и донести до них что-то важное?

- Мне кажется, нет. Вот этого позыва я в себе никогда четко не осознавал. Выходить к людям и что-то до них доносить или показывать, какой я, вот именно этой артистической составляющей во мне нет, и ее отсутствие мне часто мешает. То есть, мне не очень хочется играть все и везде. И поэтому

Тарас Кузьмин

часто приходится отказываться от ролей. Мне нравится сам процесс рождения спектакля, поиска, разбора материала. Меня это привлекает. А моменты репетиции мне не очень нравятся, потому что я сразу примерно понимаю, что я буду делать и как это будет. Надо уложить текст и, в принципе, выйти на зрителя и уже проверять через него то, что нашли. А потом, после примерно пятого или шестого спектакля, мне вообще становится скучновато. Ведь всё, что хотел, я уже сделал.

- И поэтому все спектакли, которые вы поставили как режиссер, были, по выражению ваших коллег, краткосрочными?

- Именно! Потому что, поставив спектакль, я дохожу до своей цели. Допустим, спектакль «Хватя» по Владимиру Набокову. Он пожил интересной жизнью. Мы много играли его в Твери, потом играли в Москве, потом он еще съездил в Польшу на фестиваль и привез оттуда Специальный приз жюри. И после того, как он съездил в Польшу и немножко так пожил, я понял, что мне уже не особо интересно заниматься им. Тем более, это был самостоятельный проект на базе Дома актеров Союза театральных деятелей, и много приходилось решать организационных вопросов. Мне стало скучновато...

- Та же история вышла и со спектаклем по одноактному монологу Патрика Юскинда «Контрабас»?

- Совершенно верно. Хотя эта постановка и потребовала особых усилий и стоила немалых волнений, поскольку в спектакле был задействован оркестр нашей областной филармонии. Да и получить согласие Юскинда на постановку оказалось очень непросто. Однако, после того, как мы этот проект осуществили, я понял, что победил, и поставил точку. Дальше мне стало уже не особо интересно. Правда, этот спек-

такль считаю одной из своих самых любимых работ.

- Ну, вот мы и нашли стержень Тараса Кузьмина, это - желание побеждать. Даже стремление. Побеждать всегда и во всем. Согласны?

- Думаю, не самое плохое стремление.

- Конечно. Стремление всегда и во всем проигрывать было бы гораздо хуже...

- Именно! Когда передо мной стоит какая-то задача, кажущаяся невыполнимой, я сразу мобилизуюсь, собираюсь, иду и выполняю ее. А если цель какая-то неопределенная, то она у меня не вызывает ни трепета, ни прилива сил.

- Не помню в который раз, но повторяю вопрос о том, почему вы решили стать актером?

- В спектакле школьного театрального кружка я играл человека. Остальные изображали букашек, а я был выше всех, и мне доверили эту роль. По ходу спектакля на меня сзади упала декорационная ширма. Самого процесса ее падения я не видел, но услышал, как заволновался зал, и подумал, что это реакция на мой текст. Потом, когда мне по затылку прилетела ширма, стало ясно, что происходило на самом деле. Но в то же время я понял, что такого внимания, такого сопереживания ни в одной другой профессии получить невозможно. Думаю, поэтому и выбрал актерскую профессию.

- Интересный поворот. А вот если бы на вас упало что-то потяжелее, кем бы вы стали, как думаете?

- Возможно, журналистом.

- Для этого на вас должно было бы упасть что-то совсем неподъемное... Кстати, а тренером по лыжным видам спорта не мечтали стать? Ведь любили же походы на лыжах, не так ли?

- Еще как любил! Особенно в старших классах. Учился я в школе номер 4, неподалеку от Мигалово. Наш физрук и сам увлекался лыжами, и нас всех

Маленький Тарас с мамой Верой Николаевной

Тарас Кузьмин за здоровый образ жизни

Тарас Кузьмин с сыновьями Львом и Нилом

зимой ставил на них. А у нас как раз через Волгу можно было перейти и по той стороне кататься. Правда, у меня и еще у некоторых ребят лыж не было, поэтому нам приходилось идти за лыжниками пешком. Но вскоре мы догадались, что можно от лыжников отставать и совершенно беспрепятственно идти на сторону. Постепенно группа людей, которая поняла, что можно отставать, и гораздо интереснее проводить время, увеличилась. В результате осталось три лыжника от класса, все остальные внезапно отставали...

- В общем, лыжник из вас не получился. Зато поступили в театральное училище. Правильно я догадался?

- Абсолютно. И случилось это с легкой руки всё той же Ларисы Марковны Кухарчук. Еще учась в одиннадцатом классе, я по ее совету подал документы на тверской курс актерского факультета Высшего театрального училища имени М.С. Щепкина. Но когда узнал, что там раз в четыре года принимают всего десять человек, опять же думал, что это не про меня, но было уже поздно. В итоге прошел первый тур, второй, третий, и в апреле я уже знал, что, скорее всего, принят. Так и случилось.

- Выходит, не зря декорация на вас упала.

- Выходит, так. В итоге мне посчастливилось учиться в том числе под руководством таких замечательных педагогов, как народные артисты России Вера Андреевна Ефремова и Александр Александрович Чуйков, а также ректоры «Щепки» заслуженный деятель искусств РФ Николай Николаевич Афонин и народный артист СССР Виктор Иванович Коршунов. Со второго курса нас уже выпускали на сцену, и значительная часть нашей учебы проходила в театре. Работали с нами и практически все ведущие актеры драматического театра, и преподаватели тверских вузов. А главное мы видели актеров на сцене, имели возможность с ними говорить о профессии.

- На ваш взгляд, что самое важное дала вам учеба в театральном институте?

- Знаете, когда в последних классах школы я решил, куда пойти учиться, то пытался разобраться, что по-настоящему меня интересует. Меня была интересна литература, было интересно разбираться в филологических каких-то моментах. Меня интересовала психология человека. И я думал, что стану психологом. Но во время учебы в театральном институте я понял, что здесь психологию, пожалуй, больше, чем в науке психологии. Здесь ты примеряешь на себя персонаж. Ты расшифровываешь для себя его поведение, пытаешься найти какие-то мотивы, объясняющие его поведение. И вот

когда складываешь этот пазл из разных вещей, ты понимаешь, что углубляешься в психологию очень глубоко. Ты принимаешь на себя этот персонаж и пытаешься внутри себя самого разобраться. Естественно, каждый герой на тебя очень сильно влияет, и ты вдруг открываешь в себе какие-то качества или стороны, о которых до этого, возможно, и не подозревал. В этом плане во мне самом под влиянием профессии, наверняка, многое изменилось.

- И какая же была у вас первая роль на профессиональной сцене?

- Таксист в спектакле «Любовь пани Канти» по пьесе Освальда Заградника, которая больше известна как «Соло для часов с боем». Учился я тогда на втором курсе, то есть был совсем зеленым еще, а выходить на сцену пришлось вместе с такими корифеями, как Наина Владимировна Хонина, Александр Александрович Чуйков, Георгий Николаевич Пономарев, Станислав Михайлович Плотинов. Роль у меня была со словами, что-то в духе: «Я привез пани Канти». Надо было сказать, получить чаевые и уйти. Но Александр Александрович, мой педагог, решил то ли специально меня спровоцировать, то ли лучше адаптировать к пребыванию на сцене, возьми, да и спроси: «А вы кто?». Спросил, якобы для того, чтобы зрители лучше поняли, что это таксист, который модными принес. А я возьми, да и ответь, что я – насилиник. Зал расхохотался, актеры тоже «раскололись». Только Вера Андреевна Ефремова не смеялась, когда на следующий день вызвала меня к себе в кабинет и спросила: «Что это такое?». Ну, я, конечно, ответил, что оговорился. Хотя должен признаться, что на самом деле это была заготовка.

- Значит, после злополучной оговорочки-заготовки из института вас, к удивлению, не отчислили. Больше того, наверное, стали новые роли доверять. Или как?

- Или так. Роли предлагать стали, с каждым годом всё больше и больше, все интереснее и интереснее. Было время, когда я по 25 спектаклей в месяц играл. То есть и утром, и вечером, и сказки, и на малой сцене, и на большой. В какой-то момент, получая предложения сниматься в том или ином фильме, я просто показывал кастинг-директорам свою занятость в театре, и они понимали, что съемки в этот график не вставить. Поэтому даже после того, как меня утверждали на какие-то роли в кино, сниматься в них было невозможно. Приходилось отказываться. И постепенно я пришел к выводу, что надо освобождать себя от репертуара. Да и вообще, мне

кажется, зрителю не так интересно постоянно видеть одного и того же актера, а мне самому становилось все сложнее удивлять зрителей, находить в себе что-то новое, чтобы не повторяться. Поэтому сейчас у меня вообще, по-моему, всего шесть спектаклей осталось в театре.

- А сколько ролей в кино?

- Честно сказать, не считал, но, уверен, что больше шести.

- Вы говорите, что вам предлагают роли в кино. А как московские киношники узнают, что в Твери есть не просто актер Тарас Кузьмин, но такой, который подойдет им больше московских?

- Все очень просто. У нас из года в год снимают много фильмов, бывает, в Твери одновременно работают по две и даже три съемочные группы. Для участия в массовых сценах и на роли второго плана они приглашают актеров наших театров, и непрофессиональных тоже. Нередко на того или иного из них режиссеры обращают особое внимание, кастинг-директора берут на заметку и затем приглашают для участия в новых проектах.

- Насколько я знаю, у вас в театре все хорошо. Роли вам дают интересные, зрители вас любят, специальные призы вы получаете. Так зачем вам кино? Ради денег?

- В спектакле «Портрет» по Николаю Васильевичу Гоголю, который в формате сторителлинга мы играем на новой сцене, я говорю, что кино не дает актеру ничего, кроме славы и денег. В отличие от театра, который не дает ни того, ни другого. Это, во-первых. А кроме того, интересно попробовать сам съемочный процесс. Кино – это же совсем другая профессия, когда тебе нужно сегодня сыграть финал фильма, а завтра его первую сцену, потом два часа прождать перестановки света и за 30 секунд что-то сыграть... То есть постоянный какой-то совсем другой тонус. Работа на площадке – это тоже всегда интересно. По сути, съемочная группа и есть твой зритель. То, как она реагирует, как она взаимодействует с тобой, очень влияет на конечный результат. Это касается осветителей, гримеров, костюмеров, которые смотрят за происходящим на съемочной площадке. И потом по их глазам ты пытаешься прочесть, получился дубль или что-то было не так. Но, конечно, по сравнению с театром такой энергетической отдачи ты здесь не получаешь.

- В последнее время много говорят о том, что у нас кино стало продюсерским. Вам не приходилось сталкиваться с ситуацией, когда режиссер говорит: «Снимаем вот так». Следом приходит продюсер

Сженной Анной

и говорит: «Нет-нет, снимем вот эдак?»

- Приходилось.

- На ваш взгляд, это правильно? Ведь мы привыкли считать, что творец фильма – режиссер, а тут он оказывается во вторых ролях...

- Сложно сказать. Есть разное кино. Мне вообще симпатична профессия продюсера, я понимаю, что они на себе несут. Если продюсер толковый, то зачастую я вижу, что он бывает прав.

- А зачем нужен тогда режиссер?

- Чтобы выполнять всю черную работу. Продюсер, в принципе, творец высшей такой степени. То есть он выбирает сценарий, сценариста, работает с ним и говорит, что нужно доделать, как направить и так далее. И он понимает, что этот сценарий может снять вот тот режиссер, потому что у него есть достаточно навыков, он до этого снял то-то и то-то. Потом он выбирает оператора, который лучше с этой задачей справится. И потом они вместе набирают актеров и так далее. То есть, по сути, продюсер такой высший демиург, который вот этим всем руководит, который знает, какой процесс должен получиться в результате и какие запчасти нужны для того, чтобы эта машина поехала. А режиссерское кино часто возникает, когда главный волевой импульс идет от режиссера, когда у него есть материал, которым он горит, который он хочет реализовать и знает, как это сделать. И здесь продюсеры чаще всего не вмешиваются.

- А как вы относитесь к тому, что в кино все больше входит искусственный интеллект? Не опасаетесь, что кино в привычном виде скоро кончится? Ведь уже сейчас ИИ способен за сутки снять полнометражный фильм...

- Вы правы, возможности ИИ в кино, по сути, безграничны.

Недавно я видел минутный ролик, который будто бы снят человеком о том, как он был бы на тонущем «Титанике», видел, как играет оркестр, как все грузится в шлюпки, возникает его собственное перепуганное лицо на этом фоне. И сделано все настолько правдоподобно, что почти невозможно понять, что сделал ролик. То есть, по сути, мы сейчас идем к тому, что генерировать фильм сможет любой человек. Просто сидя дома, и ему не нужно тратить ни на актеров, ни на костюмы, ни на декорации, ни на режиссера, вообще ни на что... Под впечатлением от этого я тоже задался вопросом: а не конец ли это кино как такового? Искусственный интеллект и нейросеть развиваются слишком быстро. Мы к этому не готовы, но я не вижу никаких симптомов тревоги. Люди не понимают опасности, которая надвигается. А у меня внутренняя паника уже давно растет, потому что считаю, что ИИ и нейросети не остановятся только на кино и телевидении, понимаете?

- И что же, спасения нет? Финита ли комедия?

- Нет, конечно, никакая не финита. Как бы ни развивались ИИ и нейросети, но все равно они по большому счету – железо. Пусть даже и редкосознательное. Испытывать настоящие человеческие чувства они не способны и едва ли когда научатся. А людям в искусстве нужны в первую очередь именно чувства, настоящие эмоции. Мне кажется, что человечность, всегда будет вызывать большой интерес. Поэтому люди точно не перестанут ходить в театр. И я в этом смысле ставлю именно на театр. Живая энергия, живой человек, который может ошибаться, раскисать, прощать, любить... И к кино это тоже относится. Человеку нужен человек. Человек умеет ошибаться, и в этом его главная прелесть и преимущество...